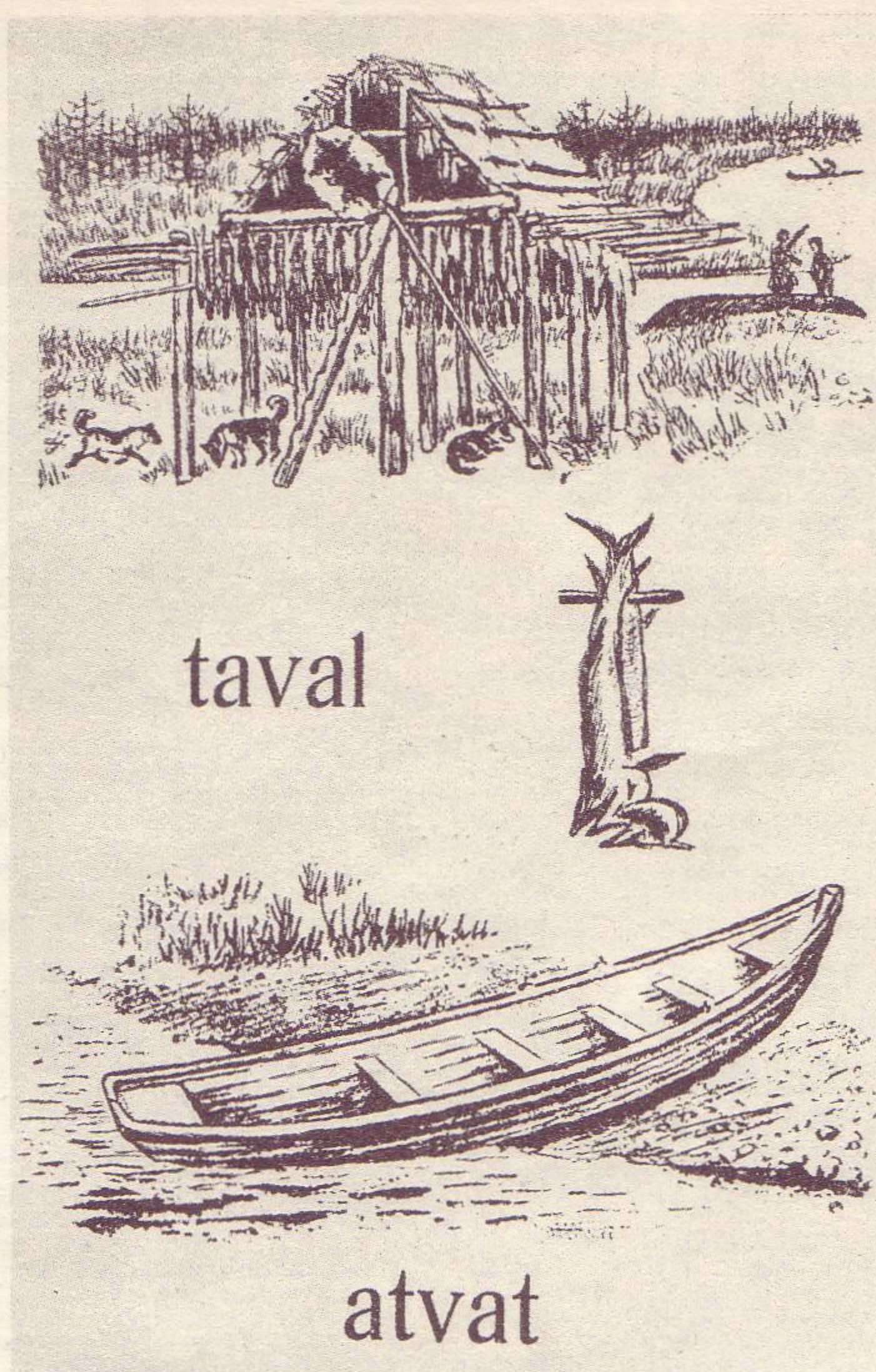

Красная книга Сергея Стебницкого

В № 7—8 за нынешний год мы опубликовали рассказ ленинградского ученого и писателя Сергея Стебницкого «Непуге-депутат». Его автор погиб в начале Великой Отечественной войны на фронте в рядах ополчения, немного не дожив до тридцати шести лет. Предлагаемый очерк рассказывает о работе Стебницкого на Камчатке.

Интерес к этнографии возник у Сергея Николаевича не случайно. Его старший двоюродный брат — Леонид Леонидович Капица — долгие годы посвятил исследованию Печорского края, стоял у истоков создания Русского этнографического музея. Сестра его матери — Ольга Иеронимовна Стебницкая-Капица была известным фольклористом, кроме того, глубоко и разносторонне занималась вопросами изучения и организации детской литературы.

На всю жизнь запомнились мне вечера, когда в гостеприимном доме Ольги Иеронимовны (моей бабушки) собиралась большая семья Стебницких-Капиц и Сережа с моим отцом (Леонидом Леонидовичем) рассказывали свои захватывающие «северные истории».

С. Стебницкий.
Фото 1927 года. Камчатка

Я в ту пору был мальчишкой, а Сереже, который только что вернулся из путешествия на Камчатку, шел двадцать четвертый год.

Небольшого роста, худощавый, вихрастый, живой и веселый, Сережа буквально завораживал слушателей, он был удивительным рассказчиком. Его рассказы, а потом и книги пронизаны необыкновенной теплотой и доброжелательностью к малому народу, среди которого он прожил около двух лет. Даже о шаманах и шаманстве, которое в те годы безоговорочно осуждалось, Сережа сумел рассказать не как о проявлении «темноты», но как о своеобразной философии, помогающей людям постичь единение с природой.

Сергей Николаевич был разносторонне одаренным человеком. Не только ученым-исследователем, но, как выяснилось со временем, самобытным и ярким писателем. Рассказы и повести написаны им сочно, с привлечением огромного этнографического материала, с умелым использованием фрагментов коряцкого языка.

Первоначальное воспитание и образование Сереже дала его тетя — Алек-

сандра Иеронимовна, которая, несмотря на невзгоды гражданской войны и разрухи, сумела пройти с ним полный гимназический курс, что позволило Сереже уже в 15 лет стать студентом университета.

По окончании университета девятнадцатилетнего Сергея Николаевича оставляют ассистентом на кафедре этнографии ЛГУ, где он изучает языки и быт народов Крайнего Севера, а «узкой» специализацией для него стали коряки. Вскоре Стебницкого командировуют учительствовать на Камчатку.

Слово «коряк» происходит от корня «кор» — олень (оленный человек), и действительно, 65—70 процентов коряков составляли кочующие оленеводы, остальные — охотники, рыболовы и охотники на морского и пушного зверя. По переписи 1926 года их числилось 7282 человека. Селились они в северо-восточной части Камчатского полуострова. Общая территория, занимаемая ими, равнялась 270 тысячам квадратных километров, причем плотность расселения в оленеводческих районах составляла порой 0,03 человека на квадратный километр. Крохотные селения оленеводов терялись в бескрайних просторах тундры. На морском побережье среди оседлых коряков плотность была побольше, но тоже ничтожна.

Хочу сразу оговориться, все сведения, географические и этнографические, здесь приводятся по трудам Сергея Николаевича и соответствуют данным тех лет, когда он работал среди коряков.

До Камчатки в ту пору добирались долго. 20 дней на поезде и еще целый месяц пароходом.

Вот в одном из крошечных коряцких поселков Опуке в августе 1927 года и высадился Сергей Николаевич Стебницкий, которому было тогда двадцать два года. От парохода до берега пришлось плыть в лодке, которую на канате тащил катер. «... перекинули на берег узкую доску — сходни. Я сошел по ней и тотчас же очутился в тесном кольце людей. От их кожаной одежды шел кисловатый запах. Мою правую руку брали и трясли.

— Амто, приятель! — здоровались со мной», — вспоминал Сергей Николаевич.

Из поселка Опуке он переехал в районный центр, но в конце ноября перебрался в Кичигу, на место постоянной работы. Туда его уже довели на нартах, запряженных собаками.

Школа размещалась в крохотной полуразвалившейся церквушке.

В книге «У коряков на Камчатке» Сергей Николаевич очень ярко описывает свое учительствование, особенно его первые дни.

«Я снял замок с двери. Вошел. Помещение церкви было переделано под класс, украшено портретами, плакатами, цветными гирляндами. Чуть не на самой середине класса торчала неуклюжая самодельная печь, недавно сложенная, но уже скосившаяся на бок. Много беды нам было потом с этой печью.

Четыре парты, облупленные, поломанные, стоят возле левых окон. И больше ничего. Я прошел через класс в отгороженный алтарь, там отведена мне квартира. Два узких запыленных окна в полукруглой задней стене. Шкафчик с учебниками, перевязанный веревками, чтобы не развалился. Койка — кое-как сколоченная из досок. Колченогий стол и табуретка — такова обычно мебель в квартире каждого камчатского советского работника. В углу — печурка, такая же ненадежная, как в классе. Дверь отворяется. Высовываются лохматые черноволосые головенки, раскосые глаза глядят пытливо и немного испуганно.

— Амто! — приветствую я веселым голосом. И тотчас же в моем алтаре становится тесно от мохнатых юрких фигурок, больших и маленьких. Мы пытаемся завести разговор. Они умеют немного говорить по-русски, а я знаю несколько десятков слов по-коряцки. Вытаскиваем первую попавшуюся книжку, пробуем читать. Они стараются перешеголять друг друга, хотя почти ничего не знают. Через полчаса у нас уже установились самые приятельские отношения.

В школе шум, возня. Дрова принесены. Печка затоплена (дымит немилосердно). Чайник закипает. Вещи мои перетасчены и разбираются общими усилиями. Всем весело.

— Ну, а теперь чай пить!

Моментально расхватывают чашки и блюда. Всем не хватает. Но это их не смущает. Неприхотливые гости пьют чай из крышек от чайников, из жестя-

нок. Предусмотрительно заготовленные мною пряники и конфеты делают нашу встречу настоящим праздником. На завтра я назначаю первые занятия.

С первых же дней работы я увидел, что коряцкие ученики — это совсем особенные ученики. Во второй или третий день занятия у нас затянулись до сумерек. Помню, мы разбирали какой-то отрывок из хрестоматии, стараясь возможно точнее перевести на коряцкий язык каждое слово. Ребятам это занятие нравилось. Вдруг наладившуюся работу прервал тонкий голос тринадцатилетнего Лигрына:

— Учитель, уже темно. Ты меня домойпусти.

Я удивился.

— Зачем? Вот кончу урок — всех отпущу.

— Нет, ты меняпусти. Моя юрта далеко. Если я один пойду в темноте, мне нинвиты худое сделают.

Я знал уже о том, как сильна у коряков вера в злых духов — нинвитов. Что мне было ответить моему ученику? Я решил обратить дело в шутку. Усмехнувшись, махнул рукой:

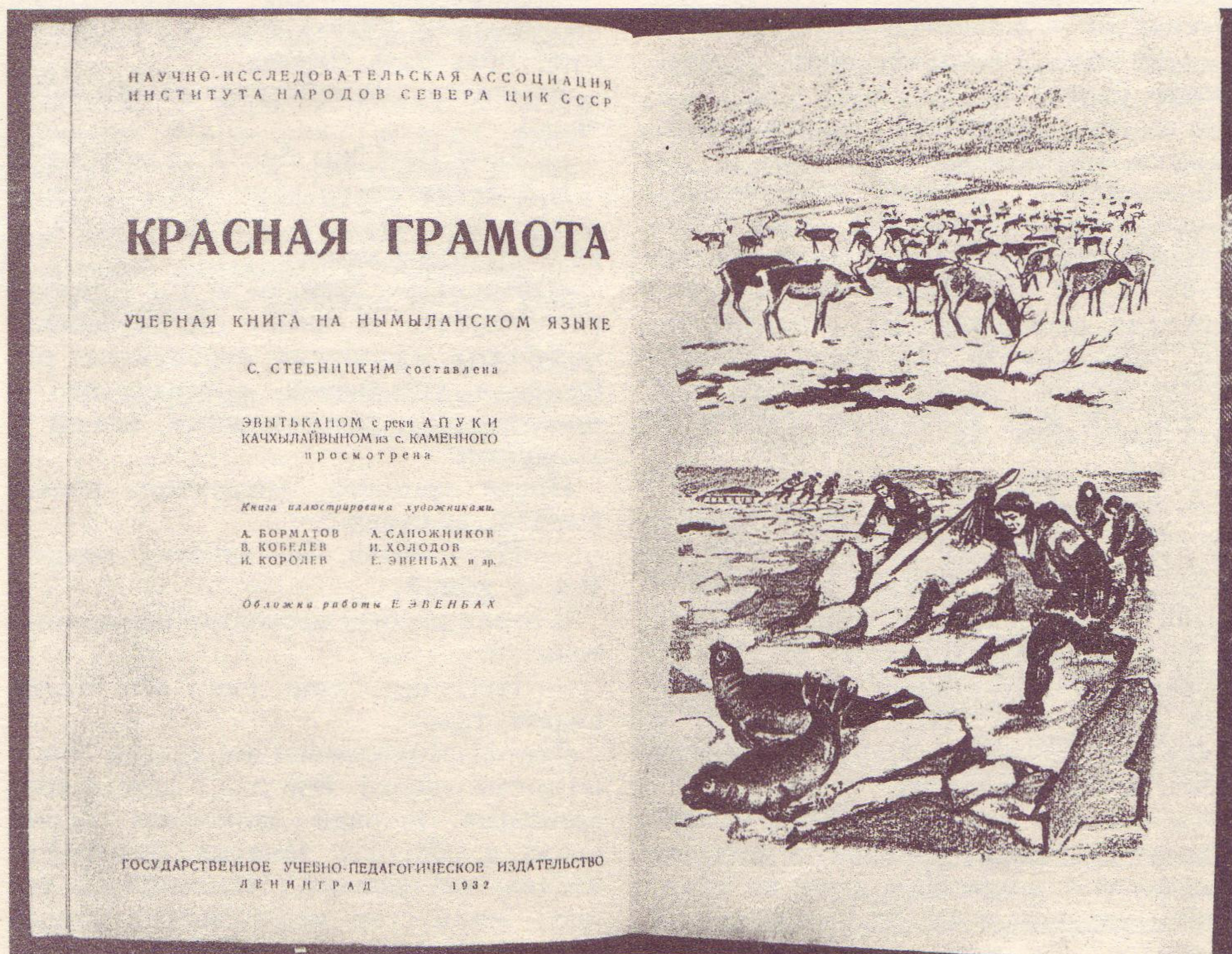
— Ну да, нинвиты. Это только ваши старухи про них сказки рассказывают.

Ученики повскакивали с мест. Заговорили все разом. У некоторых даже глаза заблестели.

— Как? Ты не знаешь! Ты только что приехал, — как ты можешь знать, что у нас есть? Может быть, у вас, у русских, нет нинвитов, а у нас есть. Это правда. Спроси у кого хочешь. А я и сам видел...

И посыпались рассказы, один другого

Обложка и страницы учебника намаланского языка С. Стебницкого

Семейная фотография. Сергей Стебницкий второй справа

убедительнее. Я молчал и слушал. Возмущение ребят было не шуточное.

— Ладно! Поучитесь хорошенько, поймете, что ваши нинвиты — выдумка. А пока — что с вами сделаешь, — думал я.

Каждое утро у меня начиналось так. Едва забрезжит рассвет — уже слышу топот ног и звонкие голоса в классе. Открывается дверь моего алтаря, тесное помещение наполняется шустрými бесенятами в мохнатых кухлянках.

— Учитель, вставай, учи! Сейчас светло будет.

Встаешь и частенько с полчаса приходится ждать, пока рассветет.

Занимались ребята старательно. Жадно ловили каждое мое слово. Тщательно выписывали в тетрадках каждую букву. Сами составляли себе русско-коряцкие словарики. Не уставали по часу просиживать над одной задачей. Но на втором или третьем уроке чуть не каждый день начиналось одно и то же.

— Тише, ребята!

— Да, тише. Холодно. Тебе хорошо, ты руки в кухлянку запрятал, а у нас пальцы замерзли. Писать не можем.

Они были правы. В классе мороз. Ветер свободно разгуливает по классу, прорываясь сквозь щели в стенах бывшей церковенки. Парты сдвинуты к печке. Но напрасно. Печка совсем не греет, а только дымит.

На четырех партах теснятся четырнадцать учеников. Они сидят в меховых кухлянках и поминутно дуют на руки. Парты ходуном ходят от малейшего их движения. На всех — всего три чер-

нильницы. Тетрадки самодельные, из толстой бумаги. Классная доска — обратная сторона какой-то иконы.

В такой обстановке самым прилежным ученикам трудно сохранить внимание и быть смирными. Но ученье — не баловство. Я повышаю голос:

— Вы слышите, тише!

— Холодно! Замерзли! Сделай перемену!

— Перемена только что была. Если вы не будете сидеть тихо, я сегодня не буду объяснять Землю.

Это заявление действует на них магически.

— Нет! Нет! Мы будем сидеть тихо!

И действительно даже самые шаловливые моментально превращаются в образец прилежания.

«Объяснять Землю» — это значит рассказывать о жизни негритянских, индусских, китайских, европейских рабочих и крестьянах, рассказывать о производстве всевозможных вещей и продуктов.

После третьего, четвертого урока, бывало, скажешь:

— Ну, ребята, на сегодня хватит. Идите домой.

В ответ затянута несколько обиженных голосов:

— Нет, нет, еще учи. Мы будем сидеть тихо».

Сергей Николаевич не только учил, но и сам учился. Изо дня в день в специальные тетради записывал новые слова и обороты, заносил этнографические наблюдения. Приходилось решать множество методических вопросов, придумывать, как объяснить детям

совершенно чуждые для них понятия. Почти никто из них, например, не видел колесá. Понятие «колесо» передается по-коряцки как «вертящиеся полозья». Аэроплан воспринимался как «летучий нинвит», злой дух. Нужно было вживаться в образное мышление коряцких детей, находить доступные для них аналогии.

Умер старик Ха'унто. По коряцкому поверью, в землянке умершего поселяются нинвиты. Землянку забрасывают, обходят ее, делая большой круг. Как убедить ребят, что жилище безопасно и можно не удлинять путь от школы домой? Сергей Николаевич на глазах у перепуганных ребятшек залез в землянку. И вопреки ожиданиям не умер. Но для преодоления страха этого оказалось мало. В землянке учитель нашел целый выводок мышат. И вот, раззадорив детское любопытство, он добивается того, что самые храбрые, а потом и все, начинают наблюдать, как учитель подкармливает мышек. Дальше — больше, в конце концов ребята залезают с ним в «зачумленную» землянку и с восторгом возятся с мышатами. Для них это понятное образное воплощение жизни, противостоящее «злему началу» нинвитов.

По инициативе Ольги Иеронимовны Капицы в 1927 году при Государственном Русском географическом обществе учредили комиссию по детскому фольклору, быту и языку. В нее в 1928 году вошел и Сергей Николаевич Стебницкий. Материалы комиссии публиковались в специальном сборнике «Детский быт и фольклор». В первом номере сборника отмечается: «27 ноября (1928 г.) доклад С. Н. Стебницкого «Быт детей коряков». Доклад дал ряд исключительных по значению материалов и вызвал большое количество вопросов».

В этом же сборнике им опубликован перевод коряцкой сказки «Мышата».

«Специально детских сказок у коряков нет, — отмечает Сергей Николаевич. — Но эта сказка как бы исключение. Она почему-то особо популярна среди ребят. Ее знают буквально все, даже пяти-шестилетние... Должен сказать, что в печатном виде, да к тому же еще в переводе, сказка эта не передает и половины впечатления, остающегося от живого рассказа. Вся прелесть ее заключается в темпе и интонациях, с какими передаются те или иные места, главным образом чьи-либо собственные слова, реплики...

Удивительное мастерство коряков в передаче сказок делает понятным, почему коряцкие дети не пропускают буквально ни одного вечера, чтобы не упротить кого-нибудь из взрослых рассказать сказку. Если же это не удастся, то они принимают за дело своими силами... Мальчик или девочка, умеющие хорошо рассказывать сказки, пользуются у остальных ребят величайшим уважением».

Вскоре после доклада, сделанного

на заседании Комиссии по детскому фольклору, Сергей Николаевич публикует обстоятельную статью «Коряцкие дети» (журнал «Советский Север» № 4 за 1930 год).

Сергей Николаевич приходит к интересному выводу: «... резкого деления на детей и взрослых у коряков нет. Дети — равноправные и равноуважаемые члены общества. За общей беседой их слово выслушивается так же внимательно, как и речь взрослых. Мне часто приходилось слышать, как отец совершенно серьезно советуется со своим двенадцати-тринадцатилетним сынишкой... Если нет резкого деления на детей и взрослых, то деление по признаку старший и младший проводится очень резко. Будь я хоть на один месяц старше своего собеседника, я могу заставить его сделать все, что мне угодно, в особенности если он мой родственник. Когда ребята не слушались меня на уроках, мне приходилось взывать к благоразумию старших учеников. И последствия их слов бывали совершенно чудодейственны... То же самое явление в точности имеет место и у взрослых».

«В хозяйственной жизни особенно проявляется самостоятельность детей. Существует целый ряд работ, исполнение которых лежит всецело на детях. Как правило, предельным сроком беззаботного детства считается девяти-десятилетний возраст. В этом возрасте мальчик идет первый раз в стадо. В этом же возрасте девочка первый раз берет за кривой нож для кройки шкур, первый раз продевает в иглу нитку из оленьих сухожилий».

«Самые распространенные игры — охотничьи. Самодельные луки и стрелы или самострелы, типа древнерусских, круглый год не выходят из рук ребят... Сюда же надо причислить... пращу» и, наконец, «... аркан такой же неременный спутник их, как и праща. Они не могут пройти мимо колышка, сколько-нибудь выдающегося над землей, мимо куста хоть самым кончиком торчащего из-под снега, не испытав на нем меткость своей руки...».

К концу пребывания на Камчатке Сергей Николаевич уже свободно владел коряцким, обладал большим словарным запасом, освоил структуру языка и видел, что для национального объединения, сплочения разрозненного кочевого народа, для создания местных экономических, торговых, культурных центров необходима своя национальная грамотность.

Вернувшись в Ленинград, он вплотную приступает к работе над букварем, а точнее «учебной книгой», как назвал он свой труд.

Бытовавшее ранее понятие — коряки (коряцкий язык) к тому времени было заменено на принятое в науке понятие — нымылане (нымыланский язык), теперь все снова вернулось на круги своя.

Тогда же главная трудность состояла в том, что нымыланский язык распа-

дается на несколько диалектов, а те, в свою очередь, на говоры. Половины всех нымылан составляли кочевники-оленоводы, вот их диалект и был признан основным. Но диалект кочевников не был в то время записан. Пришлось обратиться к говорам, наиболее близким к диалекту кочевников, — каменскому и апукинскому. Дальнейшую работу над книгой Сергей Николаевич описывает так:

«На каменском говоре имеются записи проф. В. Г. Богораза-Тана, изданные в Америке. Что касается апукинского говора, то в Ленинграде в настоящее время находится уроженец с. Апуки, студент Ленинградского института народов Севера Эвытькан. Он знает и каменский говор и частично также диалект чь'авчю (кочевников)».

Послать экспедицию на Камчатку оказалось невозможным. Пришлось вести работу непосредственно в Ленинграде. «Текст букваря тщательно проверен и просмотрен мною совместно со студентом Эвытьканом, в проверке букваря принимали участие также студенты Н. Гуторов (с. Карача), Н. Наянов (с. Ивашка на Панкаре), Нужалхут и Кичгинтак'яв (с. Апука), — писал Сергей Николаевич. — Когда букварь был уже в производстве, он был еще раз просмотрен членом Нымыланского окрисполкома Качхилайвыном. Житель с. Каменного, приехал в Ленинград специально для просмотра букваря из Москвы, где участвовал в пленуме Комитета Севера при ВЦИК в качестве делегата от Нымыланского округа.

Таким образом большая часть диалектов и говоров нымыланского языка у нас в Ленинграде была представлена».

Изданный в 1931 году букварь, конечно, нуждался в доработке, проверке, корректировке, но он закладывал надежный фундамент новой письменности.

Недавно у меня в гостях побывал Анатолий Филиппович Макеев, заведующий кабинетом краеведения Корякского окружного института. Он подарил мне только что изданный сборник воспоминаний коряков о Стебницком.

Хранит память народная добрые дела.

Леонид КАПИЦА

Фотографии из семейного архива Стебницких-Капиц